

Некрасивая елка

Евгений Пермяк

В датском говорящем лесу росли датские говорящие деревья. Они разговаривали только по-датски.

В жаркие солнечные дни, изнемогая от зноя, деревья перешептывались друг с другом так тихо, что даже чуткие птицы не могли разобрать, о чем они шепчутся. Зато как только поднимался ветер, в лесу начинался такой шумный разговор, что его без труда мог услышать всякий.

Самой болтливой в лесу была Осина. Ее голос, звенящий одиннадцатую тысячами листочков, не умолкал и в полдень. Осина любила **позлословить**, как, впрочем, и Береза. А Елка наоборот. Елка была на редкость молчалива и задумчива. Она, в отличие от своих стройных и красивых сестер, росла не очень красивой. Даже, скажем прямо, совсем некрасивой: однобокой и кривой.

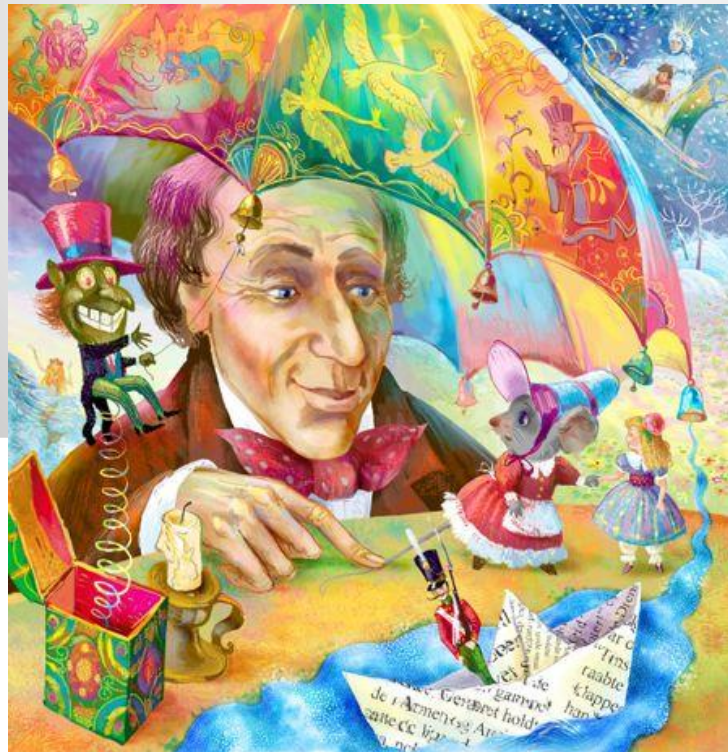
Елку не любили ее лесные братья, хотя ни одному из них она не сделала ничего дурного. Она не затеняла им солнца, не лишала их влаги, не шелестела, как Дуб или Ясень. Вообще она вела себя очень скромно.

Но деревья усвоили отвратительную манеру отношения друг к другу — по внешности. По одежке. По красоте ветвей и строению кроны. А Елка была дурнушкой. Это и послужило поводом для насмешек самовлюбленного Ясеня, молодого красавца Клена и Березы с изысканно тонкими ветвями.

Не любили они Елку и потому, что ей оказывал особое внимание Сказочник, пользовавшийся большим уважением в лесу. Он часто садился под елью со своими тетрадями и писал сказки или задумчиво мечтал.

Почему он предпочитал именно ее тень, никто не знал, но болтали в лесу разное.

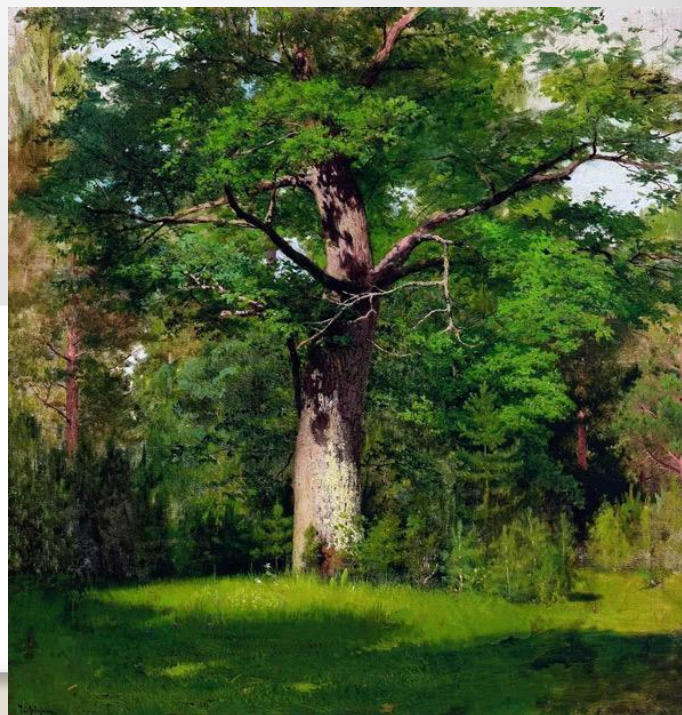

Сказочник

Ясень говорил, что Сказочник, так же как и Елка, одинок, некрасив и долговяз. Клен находил, будто Елка специально для Сказочника осыпает мягкие иглы, чтобы ему было удобнее сидеть под нею. Береза городила такое, что лучше не повторять этого. И вообще мы не должны брать на себя роль Ветра, который разносит нелепые лесные слухи. К тому же нам давно пора приступить к главному и начать с того, как в лес однажды пришли лесорубы и срубили старый Дуб и как в лесу раздался громкий плач. Плакали дети, внуки, племянники и друзья старого Дуба. Им казалось, что уже все кончено. И особенно после того, как старый Дуб был распилен на кряжи и увезен из леса.

Дуб

Когда дубовая родня оплакивала свежий пень, появился Сказочник. Ему тоже было жаль, что в лесу не стало зеленого богатыря, трехсотлетнего Дуба. И его слеза капнула на срез пня.

Но слезы никогда не помогают горю. Зная об этом, он решил рассказать сказку о том, во что иногда превращаются деревья, когда их увозят из леса.

— Господа, — сказал он по-датски, обращаясь к деревьям, — не угодно ли вам прослушать сказку о вашем завтрашнем дне?

В говорящем лесу стало тихо. Деревья насторожили свои листья и стали слушать.

— Никому из вас, как, впрочем, и мне, — начал Сказочник, — не хочется покидать этот прекрасный лес. Но не все, уходя из него, перестают жить. Не все, оказавшись срубленными, умирают.

Лес зашумел и насупился. Начало сказки деревьям показалось не более чем утешительным враньем.

Сказочник подал знак. В лесу стало снова тихо.

— А известно ли вам, господа, что Дуб проживет еще сотни и сотни лет, когда он станет дубовым резным потолком библиотеки? А он станет именно им. Так ли уж плохо это, господа деревья?

Деревья одобрительно зашелестели. Теперь Сказочник, овладев вниманием слушающих, спокойно уселся на золотой ковер мягкой еловой осыпи и стал говорить о том, как снова придут в лес лесорубы и спилят созревшие деревья, не давая им сгнить на корню и превратиться в ничто. Спленные деревья станут домом, мостом, музыкальными инструментами, мебелью или паркетным полом, чтобы жить и служить поколениям.

— Так ли уж это плохо, господа? — сказал он и продолжил сказку о том, как одна мечтательница Сосна превратилась в корабельную мачту и побывала в Индии, Китае, на Курильских островах... Стал рассказывать, как одна Осина стала тридцатью тремя корытами.

— Превращение в корыта хотя и не так заманчиво, — сказал он, — все же стать корытом лучше, чем никем, ничем и ни для кого.

— Это верно, — заметила слегка обиженная Осина, — превратиться в корыта куда приятнее, нежели стать дровами. Да, дровами, — повторила она, покосившись на некрасивую Елку и окидывая ее неприязненным взглядом от корня до вершины.

Заметив этот взгляд, самовлюбленный Ясень спросил Сказочника:

— А почему бы вам не рассказать об еловых дровах?

— Вот именно, — поддержал надменный Клен. — Это бы вселило радужные надежды нашей общей знакомой.

Сказочник смутился. Ему не хотелось огорчать некрасивую Елку. Он любил ее. Он жалел ее. Но правда выше любви и жалости.

— Господа, — тихо сказал Сказочник, — разве уж так плохо сгореть для других? Ведь должен же кто-то радовать детей и согревать их в зимнюю стужу. Должен же кто-то выпекать хлебы и плавить металл.

— Да, конечно, конечно, господин Сказочник, кто-то должен это делать, — подтвердил Ясень. — Но согласитесь, что все-таки лучше стать полированным столом или буфетом, нежели золой и пеплом.

— Хотя, — усмехнулась Береза, — зола тоже на что-то нужна. Ею, кажется, чистят кастрюли, посыпают тротуары. Так ли уж это плохо, господа? — прошелестела она, издевательски повторяя фразу Сказочника.

Деревья дружно захохотали.

Сказочник снова умолк, а затем, коснувшись рукой Ели, сказал в раздумье:

— Впрочем, никто не знает, как может повернуться судьба. Одни, собираясь жить в веках, забываются ранее, чем увядают цветы на их могилах. Другие, живя скромно и тихо, ни на что особенное не рассчитывая, не думают о бессмертии, а оно, несмотря на это, приходит само. Не отчаивайтесь, некрасивая Елка! Как знать, может быть, все будет по-другому.

С тех пор прошло много лет. Деревья выросли и возмужали. Под некрасивой Елкой жили муравьи. Сказочник давно уже не появлялся в лесу, и, как сообщил Ветер, Ель больше никогда не укроет его прохладной и ласковой тенью своих ветвей. Два лесоруба — Время и Возраст — сделали свое дело.

— М-да! — сказал Ясень. — Хотя он и ярко горел... хотя нам от него было тепло и радостно, все же он сгорел, как сгорают дрова.

— Вот именно, — подтвердил Клен, ставший еще выше и надменнее. — Если выражаться образно, то он был среди людей не более чем некрасивая Елка. То ли дело мы! Мы — ценные деревья. Мы можем превратиться во что угодно: и в спальню королевы, и в трон короля.

Елка молча слушала хвастливые, самодовольные рассуждения, и тонкие струйки смолы катились по ее шершавой коре. Елка не переставала верить, что она встретится со Сказочником и услышит знакомые слова любимых сказок.

Но напрасно. С ним можно было теперь встречаться только во сне. Поэтому Елка часто дремала, надеясь увидеть золотой сон. А он не приходил. Зато пришли лесорубы. Лесорубы спилили созревшие деревья, и каждое из них получило свое назначение. У поваленной Сосны обрубали ветки и верхушку, затем доставили ее на корабельную верфь. Она будет высокой мачтой.

Ясень, Клен и Береза были отправлены на мебельную фабрику. Осину предназначили для корыт.

Дошла очередь и до некрасивой Елки. Ее распилили на мелкие чурбаки.

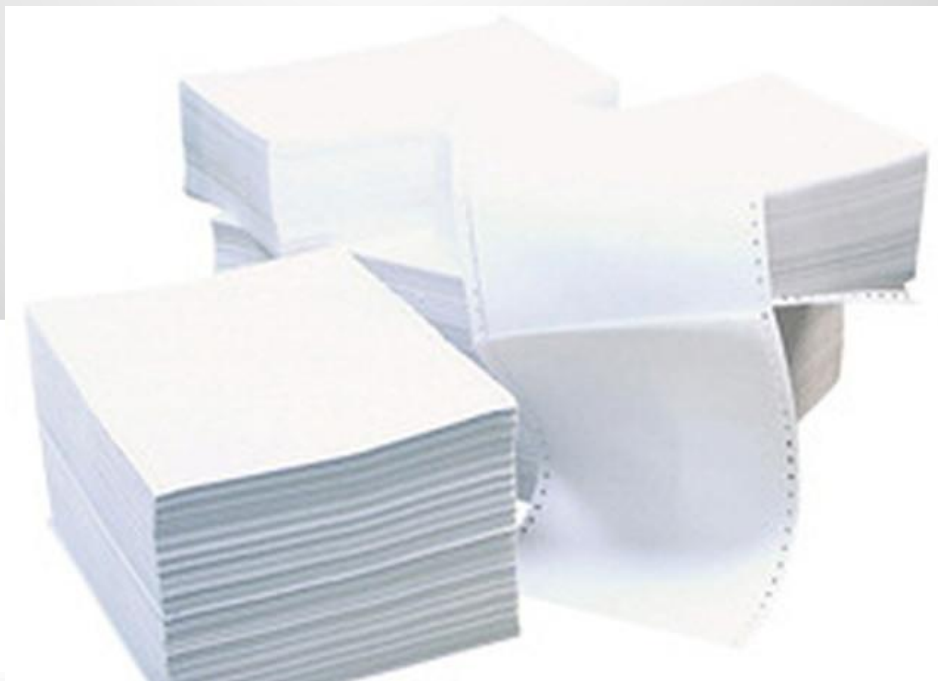

Чурбачки

«Так и есть, — подумала Елка, — я стала дровами. Теперь мне только остается сгореть так же ярко, как сгорели вы, дорогой друг, озаряя нас волшебным светом своих сказок».

Готовясь отправиться в топку котла или камина, Елка забыла слова Сказочника о том, что «никто не знает, как может повернуться судьба».

Судьба Елки повернулась самым неожиданным образом. Елка попала на бумажную фабрику и превратилась в ослепительно белые, тонкие, плотные листы бумаги.

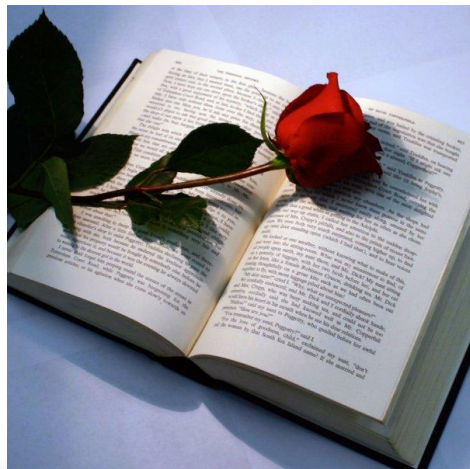

Бумага

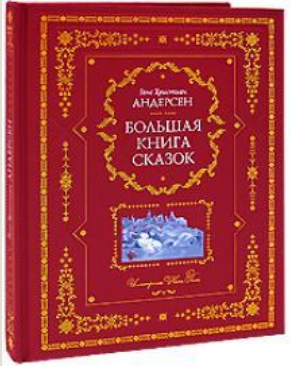
Теперь перед нею открылись тысячи возможностей. Она могла стать конвертами и совершать на всех видах транспорта почтовые путешествия. Она могла оказаться газетой или географической картой. Она могла стать нарядной театральной афишей и зазывать людей на представление.

Мало ли куда идет бумага... Но не будем, однако, строить предположения. Все оказалось куда лучше, чем может нарисовать самое пылкое воображение.

Елку отправили в типографию, и там она стала превращаться в книгу. В какую? Книга книге рознь. А она стала превращаться в прекрасную книгу сказок. Это она почувствовала тотчас, как на ней появились отпечатанные блестящей черной краской дорогие ее сердцу слова...

Книга сказок

Это были сказки, слышанные ею в дни юности в говорящем лесу.

— Неужели мы с вами встретились снова? — сказала Елка, ставшая бумагой, и увидела Сказочника.

Он появился на первой странице — отпечатанный великолепными портретными красками.

— Теперь я вижу, — сказала она, — что не все, оказавшись срубленными, умирают. Мы стали жить с вами книгой сказок.

Искусные руки переплетчика одели книгу в нарядную одежду с золотой отделкой и затейливым тиснением.

Как она красива была теперь! На нее можно было любоваться часами, читать и слушать сутками напролет. Ее бережно брали и очень осторожно листали. Сказки смешили и радовали. Сказки учили мудрости, возвышали души, согревали сердца, будили ненависть к злу и утверждали светлое.

Вскоре Елка, став книгой, очутилась на серебристой березовой полке в самом лучшем ясеневом шкафу библиотеки. Она сразу узнала этот шкаф. Он оказался таким же самовлюбленным, каким рос в сказочном говорящем лесу. Ясеневый Шкаф очень громко хвалился своей новой жилицей на центральной полке:

— Видишь ли ты, Кленовый Стол, какое сокровище живет во мне?

— Да, — ответил Кленовый Стол. — Какие мы благородные деревья!

— Как бы позавидовала нам та некрасивая Елка, — обрадовалась Березовая Полка, — как бы позавидовала она, если б могла увидеть, во что мы превратились! С какой отличной книгой живем мы теперь в соседстве! Что ты скажешь на это, старый Дуб? — обратилась Березовая полка к Резному Потолку.

Мудрый Резной Потолок хитро усмехнулся с высоты своими замысловатыми узорами и застыл в своей изумительной орнаментальной улыбке.

Он, видимо, все понял.

Теперь у Елки были все основания произнести сокрушительную отповедь по адресу Клена, Ясеня и некоторых других, глумившихся над нею. Но она ничего не сказала, потому что это была добрая, великодушная, настоящая елка. А она могла бы сейчас отчитать их не только по-датски, но и по-английски, и по-немецки, и по-русски, и по-французски. Потому что всемирно известная книга датского сказочника разговаривала на всех языках мира. Даже на тех, которые пока еще не имеют букв и грамматики. Она сумела бы их отчитать и на этих языках...

Но разве счастье в торжестве низменной страсти возмездия? Это жалкая радость слабых. Ради этого не стоило рассказывать сказку о бессмертии прекрасного.

Вот и все.